

ОКТАБРЬ 1922 После Расселения

КЕВ Император

Двойная система Мантикоры

“Мы снова встретились, мистер Харахап” - иронично сказала Хонор Александер-Харрингтон, когда Дэмьен Харахап проследовал за капитаном Королевского флота Мантикоры, который приветствовал его в шлюпочном отсеке КЕВ Император мимо пары крепких на вид людей в зеленой униформе, стоящих по обе стороны люка. Отсек за ним был намного просторнее, чем все, что он когда-либо видел на борту военного корабля, Соларианского или Мантикорского, а длинный стол был накрыт безупречно чистой льняной скатертью и уставлен сверкающей посудой.

“Ваша Милость,” - ответил он, и Настоящий Убийца издал радостный звук приветствия. “Наверное, это для герцогини”, - подумал Харахап, глядя на кремово-серого кота на плече Харрингтон. Он только начинал узнавать о древесных котах, но сомневался, что телепатический вид нуждается в звуковом приветствии, когда они встречаются.

“Если вы присядете, я познакомлю вас с другими гостями,” - пригласила она, указывая ему на стол, и он, кивнув, последовал за ней. Это была первая возможность понаблюдать за ее движениями, и он был поражен изяществом ее осанки, несмотря на вес древесного кота. Но что было еще более впечатляющим в этой женщине, - в любом человеке, на самом деле, - ее рост.

И, наверное, помогает то, что она со Сфинкса, - подумал он. Вся эта тяжеловесная мускулатура должна облегчить ей управление весом!

Согласно его исследованиям, Настоящий Убийца был крупнее большинства котов, но все же немного меньше Нимица Харрингтон, и Харахап обнаружил, что носить его на себе - это отличный способ сжечь лишние калории, которые могли бы попасть в его организм. Это была не такая уж невыполнимая задача, и у котов явно было твердое мнение о том, как правильно люди должны их перевозить, но он все еще привыкал к этому. К счастью, у них было много конечностей. Это позволяло им зарываться в усиленные, защищенные от когтей рубашки или куртки своих человеческих партнеров, чтобы поддерживать большую часть своего веса низко на спине. Это очень помогло, особенно в вопросах баланса.

Не то чтобы это делало маленьких зверюшек на грамм легче.

Настоящий Убийца издал еще один звук, на этот раз мягкий и веселый, и Харахап почувствовал, что улыбается, когда понял, что кот следил за его мыслями или, по крайней мере, за его эмоциями. На самом деле, он должен был задаться вопросом, где на самом деле начинается разделение между мыслью и эмоцией и как древесные коты воспринимают его.

“У нас будет достаточно времени, надеюсь, чтобы разобраться в таких вещах”, - сказал он себе и мысленно покачал головой. Кто бы мог подумать? Вероятно, у нас будет достаточно времени... если только обычные риски торговли не настигнут меня. Нас.

При этой мысли его улыбка погасла. Настоящий Убийца легонько положил руку ему на макушку и издал тихий-тихий напевный звук в ухо, и человек глубоко вдохнул.

Никто не мог бы с полным основанием назвать жизнь Дэмьена Харахапа ни скучной, ни

обыденной, и он всегда умел выживать. С самого детства на Стартмане и до конца своей карьеры в Жандармерии он эволюционировал в жесткого, умного, компетентного профессионала, который знал цену своим навыкам и гордился тем, что делает свою работу, какой бы "работой" она ни была в данный момент, лучше, чем кто-либо другой. В то же время он всегда понимал, что, каким бы хорошим человеком он ни был, всегда найдется кто-то лучше... или, по крайней мере, удачливее. И поскольку это было правдой, он всегда знал, что шансы на долгую, мирную пенсию в его случае были ниже, чем у большинства.

Чего он не знал, или, по крайней мере, не признавался себе, так это того, как ему было одиноко.

В основном, размышлял он, это происходило потому, что человек его профессии находит не много возможностей для глубокой, значимой дружбы. Те друзья, что у него были, в действительности имели для него мало значения. Именно это он и говорил себе в то время, и это была чистая правда. Если уж на то пошло, у него появилось несколько друзей, подходящих под это описание. Ульрика Эйхбауэр, например.

И то, что случилось с ней, было именно той причиной, по которой он позволил себе так мало друзей. Вот в чем он не хотел признаваться самому себе. То, в чем он так долго отказывался признаться самому себе. И он скрывал это от других — и от себя самого, тем, как легко принимал на себя атрибуты дружбы. Приятная беседа, чувство юмора, непринужденное товарищество. Все это было так естественно для него, что даже он не осознавал, насколько это было частью его маски.

До Настоящего Убийцы. До тех пор, пока десять или одиннадцать килограммов шелковистого меха, крепких мускулов и сухожилий не вошли в его жизнь так, как это не удавалось ни одному существу во Вселенной. До сих пор мысль о том, как велика вероятность того, что его когда-нибудь настигнут опасности его профессии, как они уже настигли Ульрику и дюжину других, которых он мог бы назвать, пугала его. Страшно было не за себя, а за Настоящего Убийцу.

Мурлыканье древесного кота стало громче. Его мягкое тепло успокаивающе прижалось к шее Харахапа, и человек мысленно встряхнулся.

"Надеюсь, этот... душевный самоанализ не станет нормой", - подумал он. Последнее, что кому-то нужно, чтобы бесстрашный межзвездный секретный агент стал мягким и сентиментальным!

***

Настоящий Убийца встряхнулся, издав одобрительный смешок, когда мыслесвет его двуногого вернулся к своему должным образом ироничному, насмешливому обыкновению. Он никогда не предполагал, что когда-нибудь сможет соединиться с каким-либо двуногим, и уж точно не с тем, кто так долго и, очевидно, успешно трудился на тех же злодеев, которые убили клан Черной Скалы. В самом деле, если бы кто-нибудь предположил, что такое может случиться, он бы пришел в ярость.

"Это только показывает, как мало я знал", - подумал он. И как мало я на самом деле понимал... сложность двуногих. Неудивительно, что так много котов были привлечены к их мыслесветам, отличающимся друг от друга! Они такие сильные, такие яркие и такие разные! Возможно, Золотой Голос и Ловец Мыслей правы. Возможно, они горят так ярко, потому что они мыслеслепы. Потому что они не могут ощутить мыслесвет друг друга, как бы громко они ни кричали. И возможно, они настолько сложны, - что, размышлял он, является действительно лучшим способом описать их, - потому что они не могут делиться этим, как Народ. Возможно,

только то, что каждый из них замкнут в своем собственном маленьком мирке, заставляет их исследовать мысли и идеи, которые никогда не приходили бы в голову коту. Народу не нужно все усложнять, потому что мыслеголос и мыслесвет делают все таким простым.

Он не знал об этом - пока не знал. Но он знал, что Играющий с Огнем - он понятия не имел, почему так много других двуногих думали, что имя, которым Народ наградил его двуногую, было таким смешным, но ни одно другое имя не подходило к его мыслесвету так хорошо - был даже более одинок внутри себя, чем большинство двуногих. И он был таким слишком долго. Он производил богатый, сильный мыслесвет, - сильного человека - но ценой даже большей боли, чем Играющий с Огнем был готов признаться самому себе.

Он хотел бы говорить жестами с Играющим с Огнем так же, как Смеющийся Ярко говорит с Танцующей на Облаках, но с этим придется подождать. Настоящий Убийца никогда по-настоящему не задумывался о том, сколько времени требуется двуногую, чтобы научиться чему-то новому. Конечно, это тоже потому, что они были мыслеслепы. Они не могли просто попробовать песню мыслеголоса о чем-то новом и сделать это воспоминание своим собственным, что было, пожалуй, самым странным из всего, что было в них. Несмотря на свое разочарование, как его заверили и Ловец Мыслей, и Прыгающий в Листве, Играющий с Огнем был способным учеником, по стандартам двуногих, а терпение было добродетелью, необходимой любому разведчику.

Просто иногда было труднее, чем другим, помнить об этом.

Они последовали за Танцующей на Облаках через большую комнату, и другие двуногие поднялись в приветствии.

***

“Леди и джентльмены, - сказала Хонор, - позвольте представить вам почетного гостя сегодняшнего вечера.” Ее губы двусмысленно дрогнули. “Это мистер Харахап, известный некоторым из вас как Зачинщик.”

Харахап замечательно хорошо справился с тем, чтобы выглядеть невозмутимым, когда глаза других гостей обратились к нему.

“Мистер Харахап, я знаю, что вы уже встречались с некоторыми из этих людей, но позвольте мне представить вам капитана Рафа Кардонеса, моего флаг-капитана, коммодора Мерседес Брайэм, моего начальника штаба, капитана Джорджа Рейнольдса, моего штабного офицера разведки, и капитана Андреа Ярувальскую, моего оперативного офицера. В конце стола сидит Командер Меган Петерсен, командир КЕВ Арнгрим. Я полагаю, что вы знаете следующих нескольких человек, сидящих за столом, но для некоторых других моих гостей это мистер Индиана Грэхем из Движения за Независимость Серафим, лейтенант Абигайль Хернс, тактический офицер на борту КЕВ Тристрам, энсин Элайджа Димас, недавно присоединившийся к команде Императора, и, наконец, один из ваших коллег, если можно так выразиться - мистер Антон Зилвицкий, до недавнего времени офицер флота Ее Величества.

Она помолчала немного, рассматривая эклектичную смесь с внутренней улыбкой, затем махнула рукой в сторону пустого стула между ней и Зилвицким. Рядом стоял высокий стул для древесного кота, похожий на тот, в котором уже устроился Нимиц.

“Пожалуйста, все,” - сказала она. “Садитесь.”

***

Стюарды действовали слаженно, и ужин был превосходным, решил Харахап. По словам герцогини Харрингтон, это была кухня в Грейсонском стиле, которая напоминала ему смесь итальянской и восточной кухни Старой Земли. На самом деле, казалось, что в она большей частью происходила их Тайской. Учитывая то, что он знал об истории Грейсона, это казалось маловероятным. Он был почти уверен, что они развивались независимо друг от друга, но карри особенно напоминало ему о вкусной еде, с которой Инди и Кензи познакомили его в "Суповой ложке" на Серафим.

Он бросил взгляд через стол, когда это воспоминание просочилось в его подсознание, задаваясь вопросом, не произошло ли то же самое с Инди. Трудно было сказать наверняка, поскольку внимание Инди было приковано к кое чему другому, и Харахап подавил улыбку, осознав, насколько он сосредоточен на еще одном грейсонском компоненте вечера.

И удачи ему, подумал Харахап. Она выглядит такой же зубастой, как обед... хотя и несколько по-другому.

Настоящий Убийца издал чирикающий звук, которым древесные коты заменяли смех, и улыбка, которую он подавил, скользнула по его губам. Он все еще не мог решить, что сейчас Инди думает о нем, но обнаружил, что его новая преданность значительно упростила его собственные эмоции. Во многом он сожалел о том, что они с молодым человеком встретились под ложным предлогом, но это было легкое сожаление. Он полагал, что этого не должно быть, но, как он сказал Харрингтон, это никогда не было личным. На самом деле он позволил себе любить молодого Инди и его сестру гораздо больше, чем следовало бы. Он был достаточно честен с собой, чтобы признать, что оставил бы это позади, после того, когда Движение за Независимость Серафим было бы задавлено. Он бы почувствовал некоторое сожаление, но отмахнулся бы от него, как отмахивался от многих других... прискорбных последствий своей профессии. Со временем, - и, вероятно, не таким уж длительным, если быть до конца честным, - он оставил бы все это позади и пошел бы дальше.

Его удивляло, насколько искренне он был благодарен за то, что этого не произошло, но он ни капельки не винил Инди за то, что тот... затаил злобу на человека, который хладнокровно предал его, его семью и всю планету.

"Забавно, как такие мелочи могут испортить дружбу", - подумал он.

Стюарды Императора начали убирать десертные тарелки под пристальным взглядом Джеймса МакГиннеса, личного стюарда Харрингтон. Это был стройным мужчиной, немного ниже своего адмирала, и, судя по седине в его редеющих песочных волосах, явно принадлежал к первому поколению пролонга. Кроме того, согласно скудной горстке фактов, собранных Харахапом, он был одновременно гражданским лицом и независимым богачом, по крайней мере, по стандартам большинства людей, что предполагало, что он был гораздо больше, чем просто 'стюартом'.

Она действительно собирает вокруг себя интересных людей, не так ли? задумался он, наблюдая, как еще один стюард наливает вино.

Да, так оно и было, и список сегодняшних гостей был тому примером. На самом деле...

Его мысли прервались, когда Харрингтон коснулась своего бокала и посмотрела через стол на молодого энсина, сидящего между лейтенантом Хернс и человеком, которого она представила как Антона Зилвицкого, хотя он очень мало походил на изображение Зилвицкого, которое видел Харахап. Энсин Димас оглянулся на нее на мгновение, затем явно собрался с духом, взял

свой бокал и встал.

“Леди и джентльмены, - четко произнес он, поднимая бокал, - за Королеву!”

Харрингтон и все ее гости поднялись на ноги и потянулись за своими бокалами. Харахап поднялся вместе с остальными, хотя и не был уверен, насколько уместным они сочтут его участие. Тем не менее, нужно быть вежливым, и...

“За Королеву,” - пророкотал в ответ юноше, а затем, прежде чем они успели занять свои места, лейтенант Хернс подняла свой бокал.

“Леди и джентльмены, - сказала она, - за Грейсон, Ключи, Меч и Испытующего.”

“За Грейсон, Ключи, Меч и Испытующего,” - ответили остальные, а затем все снова сели, и Харрингтон улыбнулась им.

“А теперь, мистер Харахап, когда такое серьезное дело как еда отошло в сторону, я полагаю, мы могли бы уделить немного времени менее важным вопросам, таким как, например, ваше отношение к Согласию.”

Харахап пристально посмотрел на нее, потом поднял бровь и посмотрел в сторону юного Димаса. Он был не только моложе Инди, но и единственным из присутствующих, - не считая Зилвицкого, сидевшего слева от Харрингтон, - кто еще не знал историю некоего Дэмьена Харахапа. Или, по крайней мере, часть ее.

“Энсин Димас был прикреплен к отделу капитана Рейнольдса по моей просьбе, что означает, что у него есть доступ к довольно большому количеству информации, которую кто-то его возраста может и не иметь,” - сказала ему Харрингтон. “Он очень хорошо разбирается в компьютерах и уже внес ценный вклад в наше понимание того, что именно здесь происходит. На самом деле, я думаю, что у него есть задатки будущего "шпики", поэтому я думаю, что вы можете свободно говорить при нем.”

Харахап заметил, что энсин приобрел интересный розовый оттенок, когда герцогиня превознесла его достоинства.

“Конечно, Ваша Милость,” - пробормотал он. “Просто глядя на энсина, я вижу, что в нем есть тот стальной блеск, который делает его настоящим шпионом. Я вижу это в своем собственном зеркале каждое утро.”

Димас дернулся, затем посмотрел на него... и наконец улыбнулся, когда несколько других гостей захихикали.

“Я удивлена, что вы действительно узнаете себя ‘в зеркале каждое утро’,” - сказала Харрингтон. “Я имею в виду, учитывая всех других людей, которыми вы были.”

“Иногда по утрам это бывает довольно трудно.” Харахап хотел, чтобы это вышло легко, с юмором, и так оно и вышло... в основном.

“Могу себе представить.” Голос Харрингтон тоже изменился. Было бы неточно называть ее тон “мягким”, но он двигался в правильном направлении.

На мгновение воцарилось молчание, а затем Харахап пожал плечами.

“Отвечая на ваш вопрос, Ваша Милость, - сказал он, - я много думал об этом, особенно с тех пор, как в мою жизнь вошел Настоящий Убийца.”

Он протянул руку, чтобы ласково провести по спине древесного кота, и Настоящий Убийца тихо заурчал от удовольствия. Харахап улыбнулся ему, затем снова посмотрел на Харрингтон.

“Я ничего не знал о Ударе Явато до того, как... стал гостем коммодора Завалы, скажем так.” Он пожал плечами. “Но с тех пор я узнал об этом довольно много.” Его рука снова погладила Настоящего Убийцу, глаза его потемнели. “Основываясь на этом, я должен сказать, что у него есть все признаки операции Согласия: безжалостной, эффективной и чертовски точно рассчитанной.”

Его голос стал холоднее, резче, и он посмотрел через стол на Индиану.

“То, что на самом деле произошло на Серафим, было ужасно, Инди,” - сказал он, спокойно глядя в глаза молодого человека. “То, чего хотели мои работодатели, было бы намного хуже. А то, что здесь произошло, прекрасно согласуется с теми умами, которые могли бы придумать что-то вроде операции "Янус".

“И с такими умами, которые могли бы осуществить операцию "Янус"?”

Вопрос с грохотом вырвался из массивной груди горного гнома, сидевшего рядом с Харрингтон. Он был холодным, вызывающим, и Харахап посмотрел в голубые глаза, которые должны были быть карими.

“Справедливо, капитан Зилвицкий.” Его собственный голос ничуть не дрожал. “И я не собираюсь просить прощения, если это был ваш следующий вопрос. Я могу сожалеть о последствиях своих действий, но это были "мои действия", и все за этим столом это знают. Я согласился выполнить эту работу, по каким бы то ни было причинам, и сделал это в меру своих возможностей. Легко выразить сожаление, изобразить раскаяние. На самом деле, это то, что я делал десятки раз, и хороший оперативник учится делать это с полной искренностью. Но на этот раз я не собираюсь этого делать.”

“Почему?” - вызывающе бросил Зилвицкий, его глаза были полны решимости.

“Отчасти потому, что если бы я был тем, кто меня слушает, я бы не поверил, а последнее, что кто-то в моем положении должен делать, это то, что его слушатели могут истолковать как, простите за выражение, попытку выдуть дым из своих задниц,” - откровенно сказал Харахап, и губы Зилвицкого дернулись. “Но, нужно сказать, есть и другие причины, по которым я не собираюсь этого делать. Я не буду, потому что это легкий, дешевый способ избежать последствий.” Он снова перевел взгляд на Инди. “Потому что я смотрел в слишком много зеркал, видя слишком много людей и решил, что некоторые из них мне не очень нравятся. И не буду, потому что Настоящему Убийце, похоже, лицемерие нравится не больше, чем мне, и я обнаружил, что его мнение имеет значение. И не буду, потому что слова - скользкая штука. Я уверен, что вы знаете это так же хорошо, как и я, капитан.

Вот уже долгое время это был мой товарный запас. Но я решил, что единственный способ выбраться отсюда живым, и, возможно, даже начать немного больше любить свое отражение - это... изменить свой образ действий.

“Это интересный способ выражения,” - сказал Зилвицкий, и теперь выражение его лица было просто задумчивым, а глаза оценивающими, а не вызывающими.

“Я интересный парень, - сказал Харахап с легкостью, которая не обманула ни одного из них.

“Каком-то роде,” - сказал Инди. Все посмотрели на него, и он пожал плечами. “Знаешь, какая-то часть меня все еще хочет застрелить тебя, ”Зачинщик”, - сказал он. “Это было бы то, что психи называют катарсисом.” Но ты не оставил мне ни одного простого пути, включая этот. Кроме того, - тут настала его очередь криво улыбнуться, - Кензи избьет меня насмерть, если я это сделаю.”

“Да благословит Господь ее нежное сердечко.” Голос Харахапа звучал легко, но взгляд его смягчился, и Инди покачал головой с чем-то средним между усмешкой и гримасой.

“На самом деле, насколько я понимаю, - сказала лейтенант Хернс, и Харахап спрятал улыбку, когда понял, что ее левая рука и правая рука Инди скрыты под столом, - вы не совсем добровольно вызвались помочь клике сумасшедших генетических суперменов захватить галактику, мистер Харахап.”

“Очень любезно с вашей стороны, лейтенант,” - ответил он. “И я признаю, что в этом старом клише о том, что ”плетью обуха не перешибешь”, присутствовал момент истины. Или тот, другой, о ”любом порту во время шторма”. Он пожал плечами. “Когда хорошо подготовленные убийцы идут, чтобы убить вас, у вас есть тенденция поймать первый шаттл из города и думать о направлениях позже. И я никогда ничего не слышал о ”генетических суперменах”, пока не попал в свою нынешнюю компанию. Мои наниматели на Мезе, конечно, никогда не говорили о них ни слова!” Он покачал головой. “Но, должен сказать, я не сказал им, чтобы они засунули предложение о работе туда, где не светит солнце, когда они его сделали.”

“Если бы ты это сделал, то был бы уже мертв,” - сказал Индиана, и Харахап подумал, не послышалась ли ему резкость в этом быстром ответе.

“Это было бы неудобно,” - признал бывший жандарм через мгновение. “И ты, наверное, прав, Инди. Но не выставляй меня лучшим, чем я есть. Возможно, мне не нравилось все, что я делал для Бардасано и Руфино, и я не думал, что у меня был большой выбор, но я делал это, и я делал все возможное, чтобы сделать это хорошо. Наверное, отчасти это была гордость ремесленника за свое мастерство, а отчасти потому, что было совершенно ясно, что они устроят неприятный несчастный случай, если я не сделаю это хорошо. Но никогда не думайте, что мне не нравилась мысль обо всех кредитах, которые они вносили в мой пенсионный фонд.”

“Я встречал не так уж много кандидатов в святые,” - заметил Зилвицкий, ни к кому конкретно не обращаясь.

“И я тоже,” - сказала Харрингтон со странным спокойствием. Харахап посмотрел на нее, и она пожала плечами. “Мистер Харахап, я водила дружбу с контрабандистами, шпионами, борцами за свободу и террористами из Баллрум. Большинство из нас имеют какой-то оттенок серого.”

“Да, это так” - пророкотал Зиливицкий, а затем поразил остальных внезапным раскатистым смешком. Они посмотрели на него, и настала его очередь пожать плечами. В его случае это было гораздо более масштабное действие, чем то, что произвела Герцогиня.

“Я просто думал о генетических суперменах и изменившихся людях,” - сказал он, сверкнув голубыми глазами. “Я знаю группу тех, кого вы могли бы назвать генетическими суперменами ранних моделей, - ну, в данном случае, суперженщинами, - которые развили совершенно другое отношение, когда речь пошла о Согласии. Если они могут начать все с чистого листа, то это может сделать кто угодно!”

Он улыбался еще мгновение, но затем улыбка исчезла, и его глаза снова потемнели. Он хотел еще что-то сказать, но остановился и резко покачал головой. Настоящий Убийца поднял голову, пристально глядя на него, и Харрингтон потянулась через Харахапа, чтобы положить свою левую руку на его предплечье.

“Прошу прощения.” Зиливицкий покачал головой, как человек, стряхивающий с себя нанесенный удар. “Я только что вернулся, мистер Харахап, из того, что, я уверен, мы оба когда-то сделали, уехав из города в самый последний момент. К сожалению, некоторые из моих друзей этого не сделали.”

“Антон, вы этого не знаете.” Голос Харрингтон был мягким, почти ласковым.

“Вы правы, не знаю, и в этом-то вся проблема, не так ли? Не знаю.” Сказал Зиливицкий, глядя на нее, и она кивнула.

“Я понимаю.” Она нежно сжала его предплечье и откинулась на спинку кресла. “Но я уверена, что Адмирал Золотой Пик и Адмирал Турвиль очень скоро получают известия, так почему бы вам не позволить будущему позаботиться о себе?”

“Здравый совет,” - сказал он и снова посмотрел на Харахапа. “Откровенно говоря, одной из причин, по которой Ее Милость пригласила вас на ужин, было то, что вы и я могли бы сравнить свои впечатления.”

“Неужели?” Хархап посмотрел на него на мгновение, затем усмехнулся. “Должен сказать, я действительно хотел бы услышать о ваших с Каша приключениях в Менделе! Я вернулся на Мезу примерно через месяц после инцидента в Грин Пайнс. Я никогда не придавал большого значения официальным версиям, не глядя на картину взрыва и не вспоминая Гамма-центр, но я хотел бы услышать ваше мнение об этом. Особенно с тех пор, как эта маленькая прогулка, кажется, стала тем, что запустило все шарики в этом деле “Согласия”.

“Интересно, что вы так говорите, - сказал Зиливицкий, - потому что именно оттуда я только что вернулся. Я имею в виду Мендель.”

Глаза Хархапа расширились, и, вопреки себе, его губы сжались в бесшумном свисте. Зиливицкий действительно вернулся из Менделя? Прямо из того места в Галактике, где единственным человеком, более ненавидимым и поносимым, чем он, должен был быть Виктор Каша? А если так, то почему..

Эта мысль прервалась, когда Харахап вспомнил, что он говорил о друзьях, которые не успели “выбраться из города” вовремя. А потом эта ссылка на адмирала Золотой Пик и адмирала Турвилля....

“Должен ли я предположить, что ваш флот, или, возможно, ваши флоты во множественном числе, собираются нанести визит доброму народу Мезы, Ваша Милость?” - он склонил голову набок, глядя на Харрингтон, и она фыркнула.

“Вы схватываете на лету, не так ли?”

“В данном случае гипер-физик не нужен,” - заметил он.

“Нет, я так не думаю. И да, именно там до недавнего времени находился Антон. Кроме того, я уверена, что человек с вашим острым аналитическим умом быстро поймет, почему он так мало похож на себя. По моим расчетам, если Графиня Золотой Пик и Десятый флот еще не прибыли

на Мезу, они должны быть там в течение ближайших двух дней.”

“И тогда все становится действительно интересным, не так ли?” - медленно спросил Харахап.

“Вот именно,” - пророкотал Зиливицкий. “Тем более что перед моим отъездом произошла целая череда "террористических инцидентов".” Выражение его лица было мрачным. “Кто-то использовал Грин Пайнс и Баллрум как прикрытие для тонущих океанских лайнеров и взрывающихся аттракционов. Они тоже оставляли после себя много тел... а когда я вернулся, темп стал ускоряться.”

“Но если это были не вы, - а вся эта история с самого начала не имела для меня никакого смысла, - то кто же тогда был этот "кто-то"?”

“Это одна из вещей, о которых нам с вами нужно поговорить.” Зилвицкий пожал плечами. “На первый взгляд, у меня есть только один логичный подозреваемый. И мой анализ жертв показал некоторые очень интересные статистические корреляции. Нам с вами нужно изучить эти корреляции, и я действительно хотел бы включить ваш взгляд на отношения между Соглашением и официальным правительством системы в мои модели. У нас с Виктором было то, что можно назвать взглядом червя на динамику внутрисистемной жизни. С того места, где мы сидели, было очевидно, что за кулисами происходит чертовски много всего, но не было никакого способа почувствовать, что это было. Я понимаю, что вы не так уж много времени провели на Мезе, по крайней мере, после того, как стали ценным сотрудником, - он коротко и натянуто улыбнулся Харахапу, - но у вас была возможность поговорить с этим “Детвейлером”, не говоря уже о Бардасано и Чернышеве, и у нас было достаточно доказательств вашего... взгляда на детали, скажем так.

Я хочу услышать все, что вы можете рассказать мне о них и об их отношении к правительству системы. Я не ищу того, что они сказали об этом. Я ищу последствия того, как то, что они сказали, и как их фактические действия и взаимодействия, с другими, а не только с вами, могут позволить нам добраться до этих отношений.

“Я расскажу вам все, что смогу,” - сказал Харахап. “Но если вы собираетесь завоевать систему, я думаю, что ваши следователи на месте смогут рассказать вам гораздо больше, и гораздо быстрее, чем я могу предложить.”

“Может, так и будет, а может, и нет,” - выражение лица Зиливицкого снова стало мрачным. “Скажите, вы когда-нибудь слышали о матрешках?”

Харахап едва не моргнул от внезапного непонимания. Затем он покачал головой.

“Жаль.” Зилвицкий покачал головой. “Они дают очень хорошую аналогию тому, с чем, как мне кажется, мы действительно столкнулись. Но ничего страшного. Герцогиня Харрингтон придумала несколько более земную метафору, которая работает так же хорошо.”

“Метафора?” Харахап посмотрел на Харрингтон. “Какого рода "метафора" это будет, Ваша Милость?”

“Луковица, Мистер Харахап,” - тихо сказала она. “Я думаю, что мы чистим луковицу, а вы были гораздо ближе к ее сердцевине, чем кто-либо другой.”

Офис Командующего флотскими операциями

Адмиралтейство

и

Башня Джорджа Бентона

город Старый Чикаго

Солнечная Система

“Прошу прощения, Сэр. У вас есть минутка?”

Уинстон Кингсфорд удивленно поднял глаза, когда боковая дверь его личного кабинета открылась и в нее просунулась голова контр-адмирала с каштановыми волосами и карими глазами. Было очень мало людей с кодом от частного лифта, который обслуживал эту дверь, и еще меньше тех, кто просто прибыл бы без предупреждения. Доступ к главнокомандующему флотскими операциями охранялся гораздо тщательнее, чем гиперграница Солнечной системы, и те, кто имел неосторожность нарушить ее, редко преуспевали.

Однако из каждого правила были исключения, и это было одно из них.

“Может быть, одна минутка, Касвелл.” Кингсфорд попытался, - но безуспешно - придать своему голосу сдержанные нотки, когда жестом пригласил контр-адмирала в кабинет и указал на стул у дальнего конца стола. “У меня встреча с постоянным заместителем министра Колокольцевым меньше чем через полчаса, и я опаздываю.”

“Я знаю, Сэр, и при других обстоятельствах я бы подождал, пока вы вернетесь. Я думаю, однако, что кое-что, что я только что обнаружил, может иметь отношение к вашей встрече с ним.”

“А?” На лице Кингсфорда появилась настороженность.

Контр-адмирал Гвеон, - запоздалое продвижение которого по службе на должность начальника отдела экономического анализа, официально внесенное в организационную схему как раздел три, Управление военно-морской разведки, наконец-то состоялось, продемонстрировал сверхъестественное чутье на явно разрозненные кусочки разведанных, которые оказались критически важными. Он давал честный анализ и не боялся высказать свое мнение, когда его спрашивали, но никогда не давал его, если не мог предоставить аргументацию, чтобы подкрепить его. И вместе с этим ощущением его значимой части интеллекта, он продемонстрировал почти такое же сверхъестественное чутье, когда эти значимые части были критичны во времени.

“Да, Сэр. У меня не так много подтверждений, как хотелось бы, но они достаточно убедительны, и я почувствовал, что должен довести их до вашего сведения.”

“И вы можете доставить мне эту новую информацию вовремя, чтобы я успел на прием к постоянному старшему заместителю министра Колокольцеву?”

“Нет, Сэр.” Гвеон спокойно встретил взгляд своего начальника. “Боюсь, что не могу... и не могу дать вам контекст, который заставляет меня поверить, что это действительно важно. Я имею в виду, действительно важно, Сэр.”

Кингсфорд на мгновение задумался, затем вздохнул и потянулся к своему защищенному

комму. Мгновение спустя на экране появился Уиллис Дженнингс.

“Да, Сэр?”

“Свяжись с Башней Бентон,” - приказал главнокомандующий. “Скажи им, что кое-что произошло, и спроси постоянного старшего заместителя министра Колокольцева, можем ли мы перенести совещание с шестнадцати ноль-ноль. Скажи ему, что я, вероятно, смогу быть там к ...?”

Он помолчал, глядя на Гвеона, который поднял обе руки, растопырив все пять пальцев левой и четыре, правой. Брови Кингсфорда поползли вверх, но Гвеон только выразительно пошевелил пальцами, и КФО пожал плечами.

“Скажи ему, что я могу быть там к девятнадцати ноль-ноль, Уиллис,” - сказал он. “Извинись перед ним, и если он не сможет перенести встречу, скажи ему, что ты уполномочен замещать меня.” Он снова пожал плечами. “Не похоже, чтобы они собирались обсуждать что-то, что мы с тобой еще не пережевали с одной стороны и не погрызли с другой.”

“Да, Сэр.” Уиллис кивнул, но тоже заколебался. “Гм, Сэр, если они спросят меня, что случилось, что я должен им сказать?”

“Скажи им, что это дело разведки. Я должен взяться за него как можно быстрее.”

“Да, Сэр. Понял.”

“Хорошо! Спасибо, Уиллис. Конец связи.”

Он отключил связь и улыбнулся Гвеону чуть холодноватой улыбкой.

“А теперь, Касвелл, я думаю, тебе лучше объяснить, почему я должен взяться за это дело как можно скорее. Имея в виду, конечно, что мне придется объяснить это постоянному старшему заместителю министра.”

***

“Мне ужасно жаль, что пришлось перенести встречу, Сэр,” - сказал адмирал флота Кингсфорд, когда его провели в кабинет Иннокентия Колокольцева.

Солнце зашло тридцать минут назад, и октябрьское небо за прозрачной стеной офиса превратилось в массу грозовых туч, катящихся по озеру Мичиган. Волны с белыми гребнями неслись по озеру, разбиваясь о пустынные пляжи в диком удушьи пены и серой воды, и молнии озаряли брюхо облаков розовым огнем.

Это было, подумал он, слишком подходящей метафорой для Солнечной Лиги.

“Мне тоже жаль, что вы это сделали.” Голос Колокольцева звучал немного раздраженно. “Честно говоря, МакАртни был очень зол.” Старший Мандарин пожал плечами. “Он должен был уехать на конференцию на Марс, и я думаю, что у него было несколько вещей, которые он хотел обсудить с вами.”

“Мне очень жаль,” - повторил Кингсфорд. “Надеюсь, Адмирал Дженнингс смог дать ответы, которые его удовлетворили?”

“Без сомнения, он мог бы... если бы Натан не объявил, что просто придержит их до тех пор,

пока у вас "не будет времени" встретиться с нами." Колокольцев сверкнул зубами в тонкой улыбке. "Не могу сказать, что я был очень рад, что вы отменили встречу так поспешно, но Натан был в отличной форме, даже для него."

"Этого я и боялся," - вздохнул Кингсфорд. "Тем не менее, Сэр, я думаю, вы согласитесь с моим решением, когда узнаете, о чем шла речь в разведке. И, честно говоря, если бы я пришел по расписанию, я подозреваю, что многие ответы, которые я мог бы дать ему, пришлось бы ... пересмотреть."

"О?" Колокольцев сел немного прямее. Затем он встал и жестом указал КФО на кресло рядом с аквариумом с золотыми рыбками. По дороге туда он прихватил бутылку виски "Уэст Гленмор бленд" тридцатилетней выдержки из бара.

"Садитесь," - сказал он и налил по три пальца в каждый стакан. Он поставил бутылку на кофейный столик между ними, протянул один стакан Кингсфорду, а другой поднял с холодной улыбкой. "У меня такое чувство, что нам обоим это понадобится, прежде чем вы закончите. Разве я не прав?"

"Вообще-то, может быть, и так, Сэр."

"Прекрасно." Колокольцев неэлегантно плюхнулся в кресло напротив, сделал медленный глоток виски и откинулся на спинку. "В таком случае, я полагаю, вам лучше приступить к делу."

"Да, Сэр." Кингсфорд позволил себе сделать глоток поменьше, затем подался вперед, держа стакан обеими руками между колен.

"Я как раз приводил в порядок свои записи для сегодняшней встречи, когда в моем кабинете появился контр-адмирал Гвеон."

Глаза Колокольцева сузились. По его мнению, Касвелл Гвеон был лучшим аналитиком, которого когда-либо выпускало Управление флотской разведки. Что, по общему признанию, не было такой уж высокой планкой, учитывая результаты на сегодняшний день.

"Адмирал Гвеон только что узнал о некоторых фактах, которые, по его мнению, должны были быть доведены до моего сведения, а затем и до вашего, и он счел важным изложить их в контексте для меня. Так уж вышло, что, по-моему, он был совершенно прав."

"И к чему эти факты могут иметь отношение?"

"Как вы знаете, наши источники на Беовульфе были ... ограниченными, мягко говоря, с тех пор, как Кадделл-Маркхэм и другие вышвырнули со скандалом вон контр-адмирала Симпсона, а затем отказали в транзите адмиралу Цанг." Он скорчил несчастную гримасу. "Я должен сказать, что, как бы это меня ни бесило, особенно отказ отправить Цанг для поддержки Филареты, они действительно спасли в тот день много жизней флотских. Конечно, эти жизни не нуждались бы в спасении, если бы они уже не решили присоединиться к манти, но, отдавая должное дьяволу, они спасли их."

Тем не менее, мы наконец-то получили немного больше информации из Беовульфа. УРФ имело несколько долгосрочных активов на верфях Беовульфа и секторах военной экономики еще до Новой Тосканы. Это были гражданские лица, а не личный состав ССО, и один из них вернулся домой после последнего соглашения об обмене."

Колокольцев кивнул, выражение его лица было далеко не счастливым. Недавно независимая республика Беовульф организовала пассажирский корабль для перевозки граждан Солнечной системы, которые не имели никакого желания жить в отколовшейся звездной нации, включая местных жителей Беовульфа, которые не согласились с результатами плебисцита, обратившись в Солнечную систему в обмен на жителей Беовульфа, которые застряли в какой-либо части Лиги и не смогли вернуться домой до плебисцита. Он и его товарищи не обратили на них никакого официального внимания, поскольку это могло потребовать от них официальных действий против Беовульфа, что в данный момент было более чем рискованно.

"Гвеон был участвовал в управление ими, так как они были там больше для получения экономической и общей промышленной информации, чем каких-либо данных о флоте." Кингсфорд поморщился. "Если бы мы предвидели что-то из этого, мы, вероятно, уже давно бы "изменили задачу" для них, но мы этого не сделали. В любом случае, как только этот агент вернулся в Солнечную систему, он напрямик направился в УРФ, чтобы сделать доклад, и когда он поделился им со мной, я понял почему. "Большой Альянс", по-видимому, имеет намного меньше боеприпасов, чем Харрингтон решила намекнуть Филарете."

"Прошу прощения?" Колокольцев нахмурился, а Кингсфорд пожал плечами.

"Я не сомневаюсь, что там было ужасно много чего-то похожего на ракетные подвески, когда она направила их на Филарету," - сказал он. "С другой стороны, это могли быть и их проклятые платформы радиоэлектронной борьбы. В любом случае, даже если каждая "подвеска", которую она показывала Филарете, была настоящей, они, вероятно, запустили не более чем двадцать процентов из них. Мы уже знали это из тактических снимков, которые они нам прислали, предполагая, что данные не были фальсифицированы. Однако мы не думаем, что это было так, и согласно отчету нашего агента, одна из причин, по которой они так мало стреляли в него, возможно, заключается в том, что у них не было ракет для запуска."

"С тех пор они не стесняются использовать ракеты в других боях," - скептически заметил Колокольцев.

"Мы не думали, что они стесняются этого," - ответил Кингсфорд. "Но помните, мы не видели ни одного из их массивных запусков с подвесок со времен "Яростного Правосудия". И на Гипатии, и на главном терминале все ракеты, которые мы видели от манти, похоже, были выпущены из ракетных пусковых. И анализ тактических данных, полученных от выживших в обоих действиях, показывает, что применяемые ракеты отличались от тех, что использовались против Филареты. Наши аналитики предполагают, что они были меньше, что имело бы смысл, для их ракетных пусковых, с более легкими лазерными головками, меньшим количеством лазерных лучей и системы наведения, которая была несколько менее умной. Есть также некоторые указания, особенно из Гипатии, что для достижения полного радиуса действия им требовалась баллистическая фаза, которой не было бы у их запускаемых ракет. Спешу добавить, что этот последний пункт более проблематичен, чем остальные."

Я хочу сказать, Сэр, что, хотя наши данные наблюдений ограничены, они указывают на то, что оружие, которое они использовали против нас со времен Яростного Правосудия, отличается, и менее эффективно, от того, которое они использовали против Филареты и, насколько мы можем судить, против Крэндалл. Теперь, по общему признанию, они стреляли по линейным крейсерам и крейсерам, а не по супердредноутам, что может объяснить некоторые из них, но это все еще важно, особенно в сочетании с другой частью отчета нашего агента."

Колокольцев пристально посмотрел на него, и Кингсфорд глубоко вздохнул.

“По словам нашего агента, - осторожно сказал он, - "таинственная атака" на Мантикору и Грейсон уничтожила не только верфи, но и их ракетные заводы. Мы подозревали, что это может быть так, наш агент принес взломанные компьютерные файлы, она была старшим менеджером по логистике Ивальди на Беовульфе, основного производителя оружия Беовульфа, и она, кажется, хорошо использовала свой доступ, - что, кажется, подтверждает это. Более чем, по ее словам, - и, опять же, файлы, которые она принесла, подтверждают это, хотя и немного косвенно, - Республика Хевен не в состоянии производить достаточно тяжелых Мантикорских противокорабельных ракет. Они производят аналогичное оружие, но эффективность хевенитских ракет ниже, - существенно ниже, - чем у версии манти. Более того, согласно тому, что было сказано Ивальди, общая техническая база и рабочая сила Хевена потребуют серьезной модернизации, прежде чем они смогут даже начать производство ракет манти.

Кстати, они называют ее "Аполлон", и, по-видимому, что делает его таким убийственным, так это то, что он включает в себя сверхсветовую телеметрическую связь. Дело не в том, что он превосходит по дальности хевенитскую ракету, хотя это возможно, дело в том, что он во много раз точнее на предельной дальности. Но, согласно файлам Ивальди, пройдет как минимум восемь или девять месяцев, прежде чем Хевен сможет начать выпуск полной версии.”

“А манти?” Спросил Колокольцев, наклонившись вперед, когда дождь начал хлестать по прозрачной внешней стене офиса.

“У них есть рабочая сила и техническая база, но у них больше нет производственных мощностей, Сэр,” - сказал Кингсфорд. “Пока нет. По словам контр-адмирала Гвеона, по прогнозам, они даже не смогут начать новое ракетное производство на Мантикоре в течение как минимум еще трех месяцев. Только в январе, а может быть, и в феврале. Грейсон, похоже, потерял более высокий процент своей рабочей силы, - это очень спекулятивно, но спекуляции кажутся довольно основательными, - в атаке на их объекты на Вороне, и у них еще больше объектов для восстановления, что означает, что они вряд ли смогут обойти этот разрыв или сократить его.

Кроме того, даже после того, как манти восстановят первую из своих линий, она будет намного меньше, чем гигантские линии, которые были у них до нападения. Это означает, что их начальный уровень производства будет низким. Люди Гвеона подсчитали, что в течение десяти месяцев он постепенно увеличится, возможно, до половины того, что было до того, что они называют "Удара Явата". Поскольку и он, и я уже обжигались на чрезмерно оптимистичных оценках, мы сократили это время вдвое. Таким образом, если предположить, что они смогут восстановить линии уже в январе, и они смогут нарастить их вдвое быстрее, чем наши люди оценивают, это все равно будет в следующем мае, прежде чем они вернуться к пятидесятипроцентной производительности.”

“Вы думаете, это объясняет, почему их боевой флот был таким... пассивным со времен Яростного Правосудия? Они сидят там, на Мантикоре и Беовульфе, вместо того, чтобы преследовать нас, потому что у них нет боеприпасов для противостояния?”

“Да, Сэр, это один из возможных сценариев. На самом деле, Адмирал Гвеон предполагает, что это вероятный сценарий. Тот факт, что у них может быть не все ракеты, которые они хотели бы иметь, не означает, что у них не достаточно, чтобы справиться с любой боевой стеной, которую мы бросили бы на них, но расходы на боеприпасы почти всегда ниже для защитника, чем для нападающего. Так что есть явная вероятность, что они стоят в обороне, чтобы сберечь свои текущие запасы ракет.”

“Значит, они не станут нападать на нас, пока не пополнят свои запасы? И никакого нового

ракетного производства у них не будет, по крайней мере, до января? И до мая у них не будет достаточного ракетного производства?"

Лицо Колокольцева просветлело, глаза заблестели, но Кингсфорд покачал головой.

"Нет, Сэр, - сказал он с сожалением, - это не совсем так. О, вероятно, нехватка боеприпасов объясняет их кажущуюся пассивность, но я не готов безоговорочно поддержать эту теорию на данном этапе. Последнее, что нам нужно, это излишняя самоуверенность, потому что именно этого мы и хотим. И даже если это так, - я имею в виду, правдиво, - предположение, что "никаких новых ракет до января", было бы слишком оптимистичным.

Во-первых, у нас есть отчеты от агентов, которых нам удалось разместить на Эреване, которые предполагают, что Хевен, вероятно, быстрее, чем через восемь месяцев начнет собственное ограниченное производство. Их информация предполагает, что это может быть всего лишь пять месяцев, хотя следует ожидать, что их первоначальные темпы производства также будут низкими. И, кстати, кое-что еще, я думаю, мы должны обсудить, - и нам, вероятно, нужно будет мнение старшего заместителя министра МакАртни для этого, - те же самые отчеты с Эрвана предполагают, что Оравиль Баррегос и Луис Розак становятся немного более приветливы с Эрваном, чем предполагают их отчеты."

"Что значит "приветливы"?" - резко спросил Колокольцев.

"Сэр, мы все еще оцениваем это, или, скорее, Адмирал Гвеон все еще это оценивает. Из того, что он говорил до сих пор, я не думаю, что есть какие-либо яркие предупредительные огни, но учитывая договор Эрванцев с Хевеном и их долгосрочные отношения с Мантикорой до этого, я нахожу... умеренно тревожным, когда губернатор сектора и его старший командующий флотом начинают слишком дружить с ними. Все, что Баррегос и Розак рассказали нам об этих отношениях, имеет смысл. Я просто не так уверен, как раньше, что они рассказали нам все об этом."

"Замечательно," - повторил Колокольцев. "Но вернемся к производству ракет. Какое отношение к этому имеют Эрван и Майя?"

"Никакого, как подтверждает доклад нашего агента с Беовульфа, - хотя их график, с нашей точки зрения, более пессимистичен, - о том, как быстро Хевен может начать строить новые ракеты. Однако, даже несмотря на то, что боевые схемы Манти, похоже, - или может показаться, - подтверждают, что они тщательно следят за расходами боеприпасов, другой момент в докладе Ивальди заключается в том, что у них есть альтернативный источник для своих ракет высокого класса."

"Беовульф," - прорычал Колокольцев, и Кингсфорд кивнул.

"Беовульф," - подтвердил он. "В частности, Ивальди из Беовульфа. Судя по всему, техническая база Беовульфа была в состоянии запустить их в производство с самого начала намного быстрее, чем манти могли восстановить или хевениты могли модернизировать. По словам нашего агента, они начали производство еще до плебисцита, и их число растет. Они даже близко не приближаются к пиковым цифрам военного времени для Мантикоры, очевидно, даже Беовульф имеет некоторые трудности, но они растут."

"Вот почему эти ублюдки так сильно хотели заполучить Беовульф." На этот раз это был не рык, а рычание. "Они знали, что им нужен новый источник для их чертовых ракет, если они собираются противостоять нам!"

“Это, безусловно, одна из версий, Сэр.”

“Итак, перейдем к делу, Адмирал. Что все это значит на самом деле?”

“Мы все еще работаем над этим, Сэр. Есть ряд проблем, которые мы не смогли зафиксировать и, возможно, никогда не сможем установить с уверенностью. Но вот на что это похоже: во-первых, Манти, похоже, экономят свои тяжелые ракеты, эти их ракеты "Аполлон". Во-вторых, у нас есть довольно веские доказательства того, что в настоящее время Беовульф, - в частности, Ивальди из Беовульфа - фактически является единственным источником "Аполлона" для "Большого Альянса" и, вероятно, будет им в течение как минимум трех месяцев. В-третьих, Ивальди, вероятно, будет основным источником дополнительных ракет еще в течение пяти-шести месяцев после этого, скажем до июня 1923 года.

В-четвертых, в конце этих восьми-девяти месяцев, однако, все три источника вместе взятые будут производить почти столько же ракет, сколько одна Мантикора производила до Удара Явата. И, в-пятых, с этого момента их уровень производства будет расти, резко расти, до гораздо более высокого уровня, чем Мантикора когда-либо производила исключительно из своих собственных ресурсов.

И все это означает, господин постоянный старший заместитель министра, что у нас есть окно в три-четыре месяца, в течение которых они, вероятно, будут продолжать испытывать тактические и оперативные трудности из-за нехватки боеприпасов. Но это также означает, что к августу или сентябрю следующего года, если мы не сможем запустить соответствующее оружие в производство, чтобы дополнить такие вещи, как Хаста, наше военное положение будет безнадежным.”

<http://tl.rulate.ru/book/29436/628648>